

Я искал себе работу, но такую, чтобы было тихо, тепло и спокойно. Свою основную профессию я оставил по причине выработки льготного пенсионного срока. Дальше продолжать тянуть лямку в патолого-анатомическом бюро больше не хотелось. Ностальгии по своим неживым клиентам, которым мне всегда удавалось ставить очень точные диагнозы, чем, в сущности, и отличается патологоанатом от терапевта, я не испытывал. В общем, я решил уйти на покой, но с одновременной подработкой. Безделье меня не прельщало, да и на пенсию не разбежишься отдыхать.

Начал я просматривать предложения о вакансиях на сайтах Интернета. Всё что-то не к душе попадалось. Впрочем, было одно очень незаурядное: например, присматривать за орангутангом, то есть быть ему компаньоном, пока хозяин по делам в отлучке. Я даже впал в задумчивость на десяток минут. Денежное довольствие вполне приличное обещали — тысячу рублей в день, и обеды можно разделить с обезьяной. Но что делать один на один с ней? Не читать же ей книжки вслух или колыбельные петь?! Такой вариант отпал сам собой. Наконец я натыкаюсь на предложение: «Требуется вахтёр». Эка невидаль — вахтёр, подумаете вы, но я тут же позвонил. Мне ответили:

— Женский монастырь. Слушаем.

Это вызвало во мне жгучее любопытство, и после нескольких наводящих вопросов женский голос, который так и не представился, предложил приехать для собеседования. Как мне показалось — устроить мне смотрины или кастинг, выражаясь современным языком.

На следующее утро, надев свой лучший пиджак, я — в канцелярии монастыря.

Меня ещё раз опросила женщина в чёрной одежде. Открытыми у неё были только кисти рук и не улыбнувшееся ни разу лицо. К ней все почтительно обращались «матушка». Как я понял, она была главным начальником в этом заведении и моим вероятным работодателем. Матушка детально, пожалуй, даже с пристрастием, спросила о моём семейном положении (разведённый холостяк, дети, внуки), чем раньше занимался, уточнила возраст, отношение к алкоголю (эпизодически могу и выпить), крещён ли (не сподобился почти принципиально), на что она хмыкнула и коротко заключила:

— Исправим. Оформляйся.

Получив инструкции, я уже на следующий день приступил к своим служебным обязанностям вахтёра. Рабочее место действительно оказалось тихое, но, учитывая, что из посетителей на вахту заглядывали в основном то окормляющий монастырь батюшка, то экспедиторы, привозившие продукты, иногда строительные материалы, никто особенно не тревожил меня как привратника. Я мог наслаждаться тишиной и чтением, а последнее мне никогда не надоедало. Постепенно перезнакомившись почти со всем населением монастыря, я начал проникать в его сложную жизнь. Как мне отчётливо показалось, матушка-игуменья управляла коллективом железной рукой, пресекая на корню любые бабские склоки, которые всегда возникали в таком месте, как женское сообщество.

Вахтёром, конечно, может быть и женщина практически без ограничения возраста. Но в любом хозяйстве нужны мужские руки. Всегда требуется что-то прибить, привинтить, отпилить, на что и рассчитывала хозяйка монастыря и чем я безотказно занимался в процессе выполнения обязанностей вахтёра.

Через некоторое время матушка-настоятельница решила, что я должен принять крещение:

— Негоже при богоугодном заведении и при церкви быть — и не крещёным-то.

Сопротивления с моей стороны не было. Подготовка была несложной: «Отче наш» я знал и раньше, «Символ веры» накануне крещения вы зубрил. Пройдя обряд посвящения, тут же, в приделе Зосимы и Савватия, я пополнил ряды ортодоксальных, то есть православных, христиан и украсил свою грудь алюминиевым крестиком на толстой нитке из искусственного щёлка. Религиозного экстаза я так и не достиг, но стал причастным к религии предков, которую «предавать неприлично», как говаривал мой дед, царствие ему небесное.

Церковная жизнь обязывала регулярно посещать службы, получать благословение батюшки, так как я был практически в составе клира.

Всякий раз после ритуала благословения я должен был приложиться к тыльной стороне ладони иерея, что мне оказалось сделать крайне сложно. Ну не мог я поцеловать руку мужчине! Даме — куда ни шло, но однополуму представителю рода человеческого — нет! Ритуал так и не давался мне. Ассоциации и комплексы были выше моих психологических сил! Я имитировал. Моя имитация состояла в том, что вместо лобызания длаи я касался пястья руки лбом, что явно вызывало недоумение у иерея, проявляющееся воздеванием одной из бровей и следующим за ним хмыканьем. Наблюдавший мои экзерсисы дьякон Сергей однажды сказал мне:

— Ты, Виктор, раб Божий и не глумись, когда получаешь благословение, ибо не руку иерея лобызает, но через него припадаешь к руке самого Иисуса Христа, Господа нашего.

По прошествии примерно месяца матушка-настоятельница снова потребовала меня к себе. Она сурово-критично посмотрела на меня и изрекла:

— Раб Божий Виктор, велю тебе прекратить бриться и отпустить браду, как приличествует образу мужчины. Ежели растёт, конечно. Ступай, Виктор. И исполняй.

Монастырский устав требует подчинения. Я мысленно отвечаю: «Есть!» — делаю поворот «кру-у-угом!» через левое плечо, правда, после предварительного полупоклона в сторону матушки-настоятельницы.

Матушка крута и строга, как старорежимный полковник, который любит солдат, но держит своих подчинённых в ежовых рукавицах. Не успел я сделать двух шагов, как она меня снова позвала:

— Постой. Входную молитву выучи. Читай, прежде чем войти,— и подала мне листок с текстом.

С тех пор я останавливался перед её дверью, стучал, слушал, отвечал о своём пришествии, произносил молитву, потом входил в кабинет.

По весне матушка-настоятельница приняла решение откомандировать меня в скит, помочь послушницам и монашкам в возделывании огорода и посевной. Скитом в монастыре называется что-то наподобие дачи или заимки. Матушка-настоятельница давала задания, или послушания в монастырской терминологии, хозяйке скита, как председатель колхоза бригадир, а та, в свою очередь, делегировала трудовые задания монашкам, послушницам или, как мне, трудникам.

Я сразу согласился на эту работу. Появилась возможность выехать из города, сменить обстановку замкнутости монастырских стен, шума и суеты города. Так я оказался в скиту-даче.

Участок по периметру был огорожен ржавой сеткой рабицей и достигал почти гектара. На нём расположились два бревенчатых жилых дома, большой сарай с дровяником и уличный туалет. В большом доме уже жили три монашки и послушница. Меня поселили в меньшем доме, где я занял комнатку. Моё недвижимое имущество было привезено в рюкзаке и легко уместилось в прикроватную тумбочку и старый плательный шкаф. Небольшой столик был плотно приставлен к стенке и застелен клетчатой клеёнкой, протёртой на углах за давностью лет. Над столом висела на двух гвоздях полка, на левом краю которой стояла эмалированная кружка и две книги на её правом конце. Меня, как старого книгодея, конечно, заинтересовали книги. Одной из них оказалась Библия в потрёпанном переплёте, а другая, имела название «Жития святых». Ну что я должен был ожидать? Монастырь всё же. Некоторое время погодя, обследуя тумбочку, я обнаружил третью книгу — молитвослов.

Интерьер комнаты дополняла заправленная кровать-койка, сделанная из железа. Такая была в родительском доме, отец с матерью когда-то купили после женитьбы, году

в пятьдесят пятом-четвёртом. Для упругости и мягкости такие койки снабжались панцирной сеткой. Они были очень пружинистыми, и мы с братом могли лихо прыгать на ней, как на батуте. Я потрогал койку и обнаружил деревянную твёрдость. Заглянул под койку. Точно! На дырявую сетку были положены необстроганные доски. «Ну что же, монастырь обязывает к аскетизму», — последовало моё логичное заключение.

Выглянув в единственное окно, открывающее вид на поле моей будущей бурной деятельности — непаханный огород. Я не спеша разложил привезённые вещи, прилёг на своё деревянное ложе и провалился в сон. Разбудил меня настойчивый стук в дверь.

— Виктор! Ты спишь, что ли? Матушка Устинья зовёт! — голос был громкий, звонкий, до рези в ушах, как говорят — мёртвого поднимет.

Моя теперешняя начальница, матушка Устинья, знакомая ещё по монастырю, дала мне ключ от сарая, где находился весь огородный инвентарь. Она сказала, что моей наиглавнейшей задачей является вспашка всего огорода. Мерина с плугом не предвиделось, и я предположил, что пахать земельку придётся самому. В сарае на этот случай стоял мотоблок, с помощью которого мне и предстояло орать землю до рыхлого состояния. Но прежде, чем заняться нелёгким крестьянским трудом, матушка отвела меня в столовую, сиречь трапезную. Отвечающая за кухню монашка Антонида щедро черпанула щей без присутствия какого-либо мяса, за которыми последовали пшённая каша, прозрачный компот из сухофруктов. Белый хлеб, нарезанный крупными ломтями, был без ограничений, присутствуя посередине стола в плетёной корзинке.

Монастырская еда по уставу не предполагает мяса, но по определённым дням дозволялось вкушать рыбу. Мне предстояло испытать себя почти вегетарианской пищей. К этому я был почти готов, так как к мясоедам себя не относил. Ну что же, жизнь преподносит мне новый опыт, и я его безропотно принимаю, проявляя теперь уже христианское смирение.

Подкрепившись таким образом, я осмотрел мотоблок, проверил наличие бензина, вывел агрегат на край поля и сделал попытку завести мотор. К моему удивлению и, не скрою, удовлетворению, мотор заработал сразу! Вернув мотоблок на

прежнее место, решил приступить к труду с утра пораньше, а оставшееся время посвятить знакомству с окрестностями.

Вечером, обсудив ещё раз фронт работ с матушкой Устиньей, попив с ней чайку с печеньем, я ушёл в свою комнату, или келью, если на монастырский манер. После недолгих размышлений, находясь в койке, оказался в объятиях языческого бога Морфея, тем более православных вариантов я не знал.

Утро выдалось солнечным, воздух был прозрачен, пах землёй и новоявленной травой. Матушка Устинья отправила ко мне громогласную Татиану с приглашением разделить утреннюю трапезу, или, по-светски, просто завтрак. Я с удовольствием освоил чашку овсянки, политой подсолнечным маслом, запил всё сладким чаем вприкуску с куском белого хлеба. Чуть не забыл: перед едой была короткая молитва, которую за всех произнесла матушка Устинья. Этот ритуал исполнялся неукоснительно всякий раз перед едой, даже если руки не мыл. Что поделатъ: устав монастыря, как устав внутренней службы, незыблем.

Весь день я рыхлил землю посредством моего железного коня с перерывами на обед и перекусы.

Матушка Устинья с монашками размечали грядки и сразу что-то сажали, к чему я интереса не проявлял. С ними трудилась девушка, к которой обращались по имени Амалия. Разглядывать монашек и послушниц мне пока было некогда. Вспашка земли подвигалась небыстро по причине довольно тяжёлой и липкой земли. К вечеру я устал так, что, едва моя голова коснулась подушки, провалился в сон и утром очнулся только после пробудки всё той же монашкой Татианой. Наверное, матушка Устинья специально назначила её моим «будильником», подобрав самую горластую.

Так я трудился в течение четырёх дней, стараясь изо всех сил подготовить почву для возможности бросить в неё семя. К посадкам монастырь подготовился основательно. Матушка Устинья после утренней молитвы в трапезной вынимала из портфеля список и проговаривала, что посажено, что предстоит сажать. Таким образом, огород скита споро пополнялся грядками с этикетками на колышках, которые я ежедневно готовил или подновлял старые.

Земельные работы прервались, когда однажды к утру пошёл дождь, что предвещало нежданный, такой желанный

отдых. Я предался чтению привезённых с собой книг. Одной из них были «Записки Пиквикского клуба» Диккенса, которую я давно намеревался прочитать, другой был сборник фантастики. Не обошёл своим вниманием и «Жития святых», и Библию. Телевизора и радиоприёмника в ските не было. Встречи в трапезной иногда заканчивались беседами на общие темы о погоде, виде на урожай — и не более того.

Я обратил внимание, что из всего женского состава скита, не считая меня, читает только Амалия. Однажды я застал её сидящей на крыльчке женского дома с книгой в руках.

— Амалия, ты что читаешь? — поинтересовался я.

— Вот, — и передала мне книгу.

К своему немалому удивлению, я прочитал на обложке: «Зигмунд Фрейд. Психоанализ».

— Где взяла? — был мой спонтанный вопрос.

— С собой привезла, — спокойно ответила Амалия и улыбнулась.

Я вдруг увидел перед собой девушку лет двадцати — двадцати двух. Её лицо обрамлял простой ситцевый платок, завязанный на подбородке. Глаза, нос, брови, губы — весь её облик выдавал очень южный, неславянский тип. Так могла выглядеть евангельская Мария Магдалина, или мать Иисуса Христа, или библейская Юдифь.

Амалия стала мне чрезвычайно интересна. Я вернул ей книгу и, коротко простившись, ушёл, дабы не прерывать столь серьёзного чтения.

Моими мыслями завладела Амалия: «Что могло привести молодую современную девушку из двадцать первого века в столь нестандартное заведение закрытого типа? Что здесь она забыла? Что ищет, да ещё с книгой Фрейда? Может быть, она училась на психолога и продолжает штудировать первоисточник? Надо уточнить».

Так как погода оставалась непосадочной, все занимались своими делами. Я лежал и читал Чарльза Диккенса, стараясь вникнуть в перипетии жизни англичан викторианской эпохи. Эпизодически мои мысли возвращались к Амалии: «Совсем не дурнушка и, наверное, имела уйму поклонников. Несомненно, образованная и, скорее всего, из хорошей семьи. Как можно зажать женское начало, чтобы

стать невестой Иисуса?» По моим наблюдениям, все монашки были в возрасте не менее чем за сорок.

Я всё чаще стал пересекаться с Амалией. Задавая незначительные вопросы, пытаюсь выяснить причину её ухода в монастырь. Сложилось впечатление, что она находится в духовном поиске, но сверяет его с теорией Фрейда, Юнга и Фромма. На все её изыскания наложились переживания и проблемы за психическое здоровье брата. Учёба как-то не заладилась, взяла академический отпуск.

В поведении Амалия была предельно уравновешена, тактична и некокетлива. Физических недостатков в ней не было. Не сутулая, не хромая, не сухорукая, не тощая, не толстая. Сложению позавидует модель с обложки глянцевого журнала. Словосочетание «красивая девушка» для Амалии самое подходящее. Я попытался оценить своё отношение к ней. Мужчины моего возраста тоже могут влюбиться, но не так, как это бывает в юности или молодости. Моё либидо молчало — это раз, интерес был просто человеческий — это два. Вся монашеская женская часть населения для меня была вне зоны моих интересов — скучные они.

Амалия находилась в переходном периоде. По-разному может повернуться для неё. Не сумеет изменить своё сознание, заскучает — и уйдёт из монастыря с новым опытом, или она сознательно начнёт путь социальной смерти.

Не принимает моя душа института монашества, тем более женского. Как, впрочем, и целибат католиков. Слишком неестественно это для меня. Уж очень сильно повлиял на меня библейский постулат: «Плодитесь и размножайтесь». В конце концов, у каждого свой путь, каждому своё и кесарю кесарево.

Однажды, не попрощавшись, Амалия исчезла из скита. Я спросил матушку Устинью:

— Матушка Устинья, а где Амалия?

Она как-то строго и отчуждённо посмотрела на меня и сквозь зубы ответила:

— Во-первых, не Устинья, а Иустинья. Во-вторых, Амалию я услала в монастырь. Пусть матушка-настоятельница разбирает ваши шашни. Ешь вон и иди работай.

Она поджала губы и отвернулась от меня, давая знать, что разговор закончен.

Я оторопел от столь разительной перемены отношения ко мне: от тёплой печки до ледяной глыбы. И тут мне на память пришла история, рассказанная однажды монашкой Зинаидой. «Однажды, годика так три назад, устроился к нам вахтёром, как и ты, мужчина, но моложе тебя, лет сорока, не более. Уж очень благообразный и тихий такой был. Перед матушкой-настоятельницей за него просил наш батюшка Иоанн, ты его знаешь. Так вот, совратил он таки одну послушницу, этот бывший зэк — он из зэков был. Увёл из монастыря Симу, её Серафимой звали, — уточнила Зинаида. — Забеременела она — грех-то какой! Выставили, конечно, Симу и Гену, его Геннадием звали, из монастыря, — снова уточнила Зина. — Потом дошли слухи, что бросил он её с дитём вместе. Опять проворовался и сел на другой срок в тюрьму. Но его родня-то признала ребёнка, и окрестили его Христофором. Зачат-то при церкви был, Господи, прости, так говорила бабка младенца, не я».

Мне стал понятен непрозрачный намёк Иустиньи на возможные последствия для моей служебной карьеры. Также из памяти всплыл подробный допрос при приёме на работу. Этот случай, без сомнения, лёг в основу ужесточения кастинга на должность вахтёра в женском монастыре. Но думаю, что вряд ли монастырь найдёт кастрированного мужчину как самого подходящего претендента на работу.

Я тоже не задержался в скиту, так как основные работы по вспашке земли были завершены. Наступили пустота и скука.

По возвращении в город, в монастырь, я уже не заметил знакомого лица Амалии среди монашек и послушниц. Как мне по секрету поведала знакомая монашка, Амалия ушла из монастыря после нескольких минут разговора с матушкой-настоятельницей. Тему того разговора, конечно, никто не знал, но, по слухам, Амалию попросили покинуть монастырь тотчас.

Через два месяца я уволился из монастыря, сбрил уже отросшую бороду и нашёл новую работу. Я стал дворником в школе, в ста шагах от моего теперешнего жилища.

Идя по улице, я произвольно смотрю в лицо всем девушкам, но так и не встречаю Амалии.